

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/npj.2023.0310>

УДК 82+159.9.07

Проблема возрастной самоидентификации творческой личности в литературе

А.Л. Ястребов

Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Москва, Российская Федерация

Резюме

Актуальность. В статье затрагиваются проблемы возрастной самоидентификации творческих людей. Рассматривается вопрос о принудительном воздействии прожитых лет на трактовку реальности. Анализируются вопросы влияния возраста автора и его героев на философский сценарий текстов.

Цель. Рассмотреть возрастное самоощущение автора в контексте роли эмоций в когнитивных процессах и творчестве, так как они связаны с историей идей и эмпирикой существования искусства.

Результаты. Впервые вводятся инструментальные подходы в стратегии интерпретации культурных феноменов Универсальный Словарь Бытийных Определений и Процедура Вычитания Концептов, позволяющие внести новые семантические обертоны в изучение предрассудков и реальности художественного самосознания, связанного с возрастом героя.

Выводы. Изучение феномена возрастного самоощущения художника, как регулятивного механизма освоения мира, может подразумевать выбор самых разнообразных интерпретаций. При этом трактовка культуры с помощью Универсального Словаря Бытийных Определений и Процедуры Вычитания Концептов позволяет дополнить известные исследовательские методики, выявить специфику моделей и процессов мироосвоения творческим человеком. При некоторой спекулятивности (в философском смысле) или дискуссионности подобный подход может стать одним из инструментов опознания и реконструкции откликов возрастной самоидентификации в художественном мире текстов.

Ключевые слова: возрастное самоощущение, бытие, самоидентификация, художественный мир, эмоции, возрастная психология, психология художественного творчества.

Для цитирования: Ястребов А.Л. Проблема возрастной самоидентификации творческой личности в литературе // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, № 3 (51), С. 98–105. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0310>

PERSONALITY PSYCHOLOGY

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2023.0310>

Age self-identification of a creative person in literature

Andrey L. Yastrebov

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. The article touches upon the problems of age self-identification in creative people. The question of the forced influence of the lived years on the interpretation of reality is considered. Questions of the influence of age on the philosophical scenario of texts are analyzed.

Objective. The article considers the age-related self-awareness of the author in the context of the role of emotions in cognitive processes and creativity, as they are associated with the history of ideas and the empiricism of the existence of art.

Results. For the first time, instrumental approaches are introduced in the strategy of interpreting cultural phenomena, the Universal Dictionary of Existential Definitions and the Concept Subtraction Procedure, which allow to introduce new semantic overtones into the study of prejudices and the reality of artistic self-consciousness.

Conclusion. The study of the phenomenon of an artist's age self-awareness, as a regulatory mechanism for mastering the world, may involve the choice of a wide variety of interpretations. At the same time, the interpretation of culture with the help of the Universal Dictionary of Existential Definitions and the Procedure for Subtracting Concepts makes it possible to supplement well-known research methods, to reveal the specifics of models and processes of world development by a creative person. With some speculation (in the philosophical sense) or controversy, such an approach can become one of the tools in identifying and reconstructing the responses of age self-identification in the artistic world of texts.

Keywords: age-related self-awareness, self-identification, artistic world, emotions, developmental psychology, psychology of artistic creativity.

For citation: Yastrebov, A.L. (2023). Age self-identification of a creative person in literature. *National psychological journal*, 18, 3 (51), 98–105. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0310>

Введение

В настоящей статье затрагиваются проблемы возрастной самоидентификации творческих людей. Рассматривается вопрос о принудительном воздействии прожитых лет на трактовку реальности. Анализируются вопросы влияния возраста на философский сценарий текстов. Впервые вводятся инструментальные подходы в стратегии интерпретации культурных феноменов — Универсальный Словарь Бытийных Определений и Процедура Вычитания Концептов, позволяющие внести новые семантические обертоны в изучение предрассудков и реальности художественного самосознания.

Данная статья посвящена комплексу малоисследованных вопросов гуманитарной культуры, находящемуся на пересечении истории литературы и психологии: в какой мере художественный мир произведений привязан к возрастному самоощущению авторов; насколько дискурс словесности отражает грамматику реальности в аспекте отбора материала, его организации и расстановки концептуальных ак-

центов; наконец, какие трансформации претерпевает философско-эстетическая практика под влиянием возрастной самоидентификации. Данные проблемы невозможно игнорировать при изучении культуры, так как они связаны с историей идей и эмпирикой существования художников. Очевидно, что подобные явления нельзя обсуждать без обращения к психологии, позволяющей прояснить механику и метафизику художественных процессов.

Цель и гипотезы исследования

Цель данной статьи — рассмотреть возрастное самоощущение автора в контексте явлений, которые Ф. Ницше называл «ложными величинами». Под этими величинами можно подразумевать все что угодно, что не имеет точного измерения и часто — вразумительного объяснения. К этим величинам относится, к примеру, возраст, социальная среда, механика и метафизика успеха. Любая из величин настолько подвижна, что, ухватившись за одну из них, можно с огорчением признать: ухвачено не то. Пока оставим

в стороне такие понятия, как среда и успех, и обратимся к возрасту.

Гипотеза данной статьи: влияние возраста автора и его героев на философский сценарий текстов, исключительность инициативы возраста в прочтении художниками реальности.

Есть темы, о которых вроде бы не принято говорить, так как в силу своей откровенности, открытой доступности и кажущейся эмпиричности, равно как и мистической содержательности, они не годятся для взыскательного научного исследования. Поэтому, исходя из своей смутной природы, должны, вероятно и очевидно, рассматриваться в жанре провокационной гипотезы или интеллектуального коллекционирования суеверий. И все же попытка исследования психологии возрастного самочувствия в том виде, в каком она представлена в литературных произведениях и в жизненной практике их создателей, — тема, заявляющая свою нефаккультативность для философии, истории литературы и психологии. Указанные дисциплины позволяют, насколько это возможно, рассмотреть кризисные моменты человеческого существования в аспекте художественной интерпретации эмпирического самочувствия, равно как и в экзистенциальном ракурсе влияния текста на последующую жизнь автора.

Возраст — это сумма самых неопределенных входящих, отличающих каждого из нас от своих ровесников: статус родителей, воспитание, первая прочитанная книга, последовательность чтения, наблюдательность, фантазия, одаренности.

Многие произведения культуры отражают психологию автора, и по ним можно с некоторыми допущениями определить эмпирику существования авторов, в частности, сколько ему лет. Нередко сам автор честно сообщает об этом и признается, что многие проблемы для него нерешаемы в силу его возраста: «В этой книге потому действуют только молодые люди, потому что я сам еще довольно молод. Я не знаю, что такое любовь для тех, кто уже немолод, и в каком возрасте больше всего разбиваются сердца, и что с ними потом бывает, заживают они, или же, как я подозреваю, люди так и остаются жить с разбитыми сердцами, несмотря на то, сколько произошло катастроф» (Хэндлер, 2007, с. 132).

Возраст автора имеет самое непосредственное отношение к проблеме кризисов существования писателей и персонажей и во многом определяет социокультурное мифотворчество. Средства массовой коммуникации культивируют в сознании потребителя многочисленные мифы, эффектная повторяемость которых уподобляет их императивам. Достаточно вспомнить катастрофические 37 лет — предельность поэтического бунта и жизненного пути гения (А.С. Пушкин, В.В. Маяковский и т.д.), чтобы утвердиться в их неслучайности и опасности (Ястребов, 2012).

Интерес к технологии рождения и формирования символов возрастной предельности, иницилирующих экзистенциальные мифы и социальные культы, по-

является лишь в конце XIX–XX веке. Все, что было сделано ранее, начиная с античности, связано с принципом символизации, мало проявляющим феномен индивидуальной природы возрастной рефлексии писателя.

Работы Ч. Ламброзо, З. Фрейда, К.Г. Юнга, ориентированные на уяснение вопроса о гениальности, ее причинах, ресурсе и вероятных перспективах, внесли вклад в теорию соотношения возраста с художественной практикой. В этом смысле попытка вскрыть генезис и унифицировать стереотипы индивидуального самочувствия, соотнести коллективное символическое бессознательное с совокупностью трансцендентных индивидуальных ценностей помогут создать более четкую картину, как предрассудков, так и духовного само моделирования человека в повседневности и культуре.

Следует пояснить сложность задачи, поставленной автором данной статьи. На сегодняшний день теоретическая мысль, раскрывая вопрос о степени проникновения индивидуального возрастного восприятия в текст, отчасти и опосредованно приблизилась, собственно, не к решению проблемы, но, во всяком случае, к ее постановке (Ястребов, 2011).

Дополним проблему несколькими свежими штрихами. Литература относится к тем областям самодостаточного вымышленного мира, который лишь косвенно соотносим с реальностью человеческого существования. Конкретный жизненный факт симулирует свое правдоподобие с помощью избранного авторами широкого диапазона художественных приемов, доминирующей в момент создания произведения повествовательной эстетикой, социальным и мыслительным контекстом, разнообразными обстоятельствами биографии и т.д.

Все эти составляющие в совокупности определяют своеобразие произведения и оказываются значимыми для понимания феномена жизнеспособности произведения и характера воплощения авторской мысли в тексте. Лучший хрестоматийный комплимент писателю — восторженная констатация богатства используемой им палитры художественных средств. Однако художественное произведение нередко отмечено ограничениями в использовании приемов, понятий, идей. Авторы сужают творческую инициативу нередко намеренно, а отчасти бессознательно, ведомые популярными в их эпохи правилами эстетической игры, ориентированностью на эксперимент или традицию.

Возрастной писатель переоформляет мир и героев не только в соответствии со своими идеями, он подверстывает персонаж под свои обостряющиеся с каждым годом переживания и истончающиеся с годами жизненные возможности. В книге Романа Гари «Ночь будет спокойной» есть мысль, актуальная для наших рассуждений: «Не обязательно рассказывать все как было — лучше сделай из этого легенду, найдя подходящую интонацию» (Гари, 2004, с. 89).

Соответственно, художественный мир стареющего писателя покидают многие концептуальные понятия,

которые еще лет десять — двадцать назад казались для него неотъемлемыми категориями описания себя в мире и мира в себе.

Каждый писатель выбирает из объемного арсенала художественных средств, приемов и фактов те, которые позволят наиболее точно передать переживаемую им мысль. Исходный материал художественных и жизненных ресурсов неисчерпаем, однако писатель не нуждается во всем объеме щедрого ассортимента, он отбирает наиболее необходимые факты и знаки эстетической условности. Селекция художественных средств связана с модой, распространенными на момент создания произведения эстетическими и философскими моделями. Не менее важен диктат подсознательных побуждений, связанных с возрастным самочувствием художника. Многие темы и проблемы в силу возрастного самочувствия зрелых авторов оказываются неинтересными и видятся им бесплодными для художественного комментирования, оттого игнорируются (Сантис, 2005).

Выдвинем гипотезу: существует Универсальный Словарь Бытийных Определений (некое подобие Вавилонской библиотеки Борхеса или интертекст) — совокупность слов и всего накопленного опыта культурой и человеческой памятью — включающий в себя суммы идей, образов, фактических свидетельств, формулировки, сюжеты, пафос, дефиниции, понятия и т.д. Он безразмерен, открыт для всех. Инструкция по пользованию отсутствует, и она не нужна. Художники пользуются им, интуитивно или осознанно, они берут из Словаря Бытийных Определений понятия, наиболее адекватно соотносящиеся с конкретным художественным опытом, который в то же время является элементом стратегического движения культуры. Писатели, воодушевленные пафосом мистического богословия, черпают из него слова «радость», «умиление», «ликование», «упоение», романтики — понятийный аппарат бунтарства, реалисты — позитивистские аргументы, конкретные детали, соответствующие избранной глубинной мотивации и т.д.

Одной из тактик коммуникации со Словарем Бытийных Определений становится Процедура Вычитания Концептов, когда многие понятия Словаря намеренно подвергаются усекновению, потому что не подразумевают согласованности с возрастными писательскими представлениями о мире; юный креатор даже не подозревает об их существовании, а зрелый художник уже не верит в их искренность. Такие концепты — чуждые, непонятные, избыточные или недостаточные, не соответствующие эмоциональной оценке, вышедшие в тираж или из моды, препятствующие прояснению смыслов — вычитаются автором. Объем заимствованного есть индекс философско-эстетической индивидуальности художника, показатель его отличия от других.

В работе о Рене Магритте немецкий искусствовед Ральф Шиблер, рассуждая на тему эстетической содержательности творчества художника, приводит «список запретных для Магритта понятий», то есть

таких, которые употребляются художником только в негативном смысле или в кавычках. Среди них: «символ», «тема», «выражение», «намерение», «объяснение», «понимать», «фантастическое», «фигуративное», «композиция», «талант», «восприимчивость», «культура», «вкус», «прогресс» (Крючкова, 1984).

Скрытая полемика разных возрастных групп проявляется в системе предпочтений, описать которую отчасти можно с помощью Процедуры Вычитания Концептов, которая не претендует на универсальное применение, но может быть использована в качестве одного из инструментов понимания культурных предпочтений, заблуждений и отказов.

Кто-то из юных авторов заимствует из Словаря идею дерзновения — громкость, наглость, броскость, скандальность. Тех, кто постарше, привлекают понятия, дарующие ощущение бытийной безопасности. Третьи проповедуют убийственность инстинкта выживания, перенимают философию неприятия беспечного гедонизма.

Процедура Вычитания Концептов относится к тем провокационным гипотезам, которые отмечают исключительность инициативы возраста в прочтении художниками реальности. Изменяющийся возраст автора накладывает на произведения печать утрат и озарений: тексты одного и того же писателя приглашают новые смыслы, отказываются от устаревших, либо постепенно редактируют их в соответствии с реальностью изменившихся психологии и философии. Эмпирика существования автора максимально заявляет себя в созданном им художественном мире.

Семидесятилетний Ф. Петрарка в письме к Дж. Боккаччо «о том, что не надо прерывать занятий из-за возраста» просит своего 60-летнего коллегу «приглушить» эпитеты в похвалах немолодому возрасту: «если вместо “богатой” скажешь “скромной”, а вместо “радостной” — “не гнетущей”, подойдешь ближе к правде» (Петрарка, 1982, с. 164).

Возраст диктует свои законы произведению, окружающему миру, сужает претензии безраздельно владеть чем-либо. Юный собаковод вряд ли заведет чау-чау и назовет его Конфуцием. Страстному подростку нужен зверь львиной породы, такой же свирепый, требовательный и неуправляемый, как сам хозяин. Пенсионерам, напротив, необходимы собачки с задумчивым взглядом и толерантным темпераментом. Пример, взятый из жизни, как правило, не очень удачен. Все же распространенные в кинологии стереотипы отчасти проливают свет на проблему создания художником текста. За другим примером обратимся к мифологической афористике, оформляющей жизнь в удобные для пользования и понимания формулы. Известное положение «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» не подразумевает приятельства Вуди Аллена и Арнольда Шварценеггера. На самом деле, быть может, они день не могут прожить друг без друга и мирно обывательствуют в беседах о кино и гирях. Однако легче представить братское ристалище Арнольда с Ахиллом, и прогул-

ку Вуди с Гегелем, чем допустить то, что, вероятно, уживается в реальности.

Так и возраст... Каждое произведение говорит, сколько автору лет. Писатель переоформляет мир и героев не только в соответствии со своими идеями, он подверстывает персонаж под свои истончающиеся с годами жизненные возможности. Соответственно, художественный мир немолодого писателя покидают многие концептуальные понятия, которые еще лет двадцать назад казались неотъемлемыми категориями описания себя в мире и мира в себе (Франкл, 1991).

Есть и исключения, литература знает все же не так много случаев, когда писатель не первой молодости живописует неоперившиеся страсти юных героев. Чаще всего из подобных экспериментов получается добросовестная калька эмоций, которые извлекаются из тайников памяти и которыми автор уже не владеет. Или взрыв умозрительности. Очень редко случается и обратное. Немецкие литературоведы, к примеру, отмечают, что тема страстной любви во второй части «Фауста» И.В. Гёте не имеет ничего общего со строго-разумной концепцией чувства, изображенного в первой части. Старый поэт демонстрирует титаническую одержимость вопросами, которые у многих его ровесников перестали уже вызывать какие-либо переживания. Случай И.В. Гёте не единичен, но далек от тенденции.

Возраст так или иначе диктует свои законы человеку и тексту, поведению, сужает претензии безраздельно владеть чем-либо или усматривать во всем многообразии существования кантиленную печаль. Многое зависит от образа жизни, витальности, пережитого опыта. Полувековой Л. Толстой, свидетельствуют современники, исполнен сил и категоризма бойца. Рембрандту, когда он писал свой известный автопортрет, было всего пятьдесят пять и уже — глубокий старик. Морщинистое лицо, печальные глаза. Умерла Саския, он потерял любовь, заказы, расположение аристократов, разорился. Художник в отчаянии. Его трагедия не наигранна.

Автор награждает своих героев опытом собственных возрастных утрат и переживаний. Соответственно, каждая возрастная группа литературных персонажей опирается в своей практике на свод идей, слов и понятий, призванных описать то, что творится в мироздании и то, что обязано, по их мнению, происходить (Хьелл, Зиглер, 1999).

Если взять за основу словарный запас юного героя романтической словесности, черпаемый из Универсального Словаря Бытийных Определений, то доминирующими будут: «тоска», «тщеславие», «высокий порыв», «непонимание», «разочарованность», «подвиг», «любовь», «исполненность смутными надеждами», «доверие к миру», «жажда искренности», «катастрофа», «вызов» и т.д. Все они так или иначе отражают категоричность в восприятии мира, ощущение отчаяния и сладострастного удовольствия, которое приносит протест. С каждым годом широкий круг идеальных побуждений и негативных понятий

сужается. Автор и, соответственно, литературный герой привыкают к тирании господства законов земного общежития, модной эстетики, и начинают сужать диапазон бытийных претензий, расширяя интерес к другим образам и идеям, не отмеченным идеей обязательности катастрофы.

Трагедия тридцатилетнего героя демонстрирует уязвимость понятий «смутные надежды», «доверие», «непонимание», «тщеславие», «подвиг», «категоричность». Легкость, быстрота и трагический надрыв, с которыми еще лет десять назад человек принимал решения и даровал эту поспешность своим героям, сменяется степенностью поступков и некоторой рассудительностью. Именно эти концепты сейчас цитируются им из Словаря.

Словарю сорокалетнего жизнь выносит неутешительный вердикт. Сильным понятиям подбираются синонимы с ослабленными эмоциональными смыслами. Словарь Бытийных Определений освобождается от понятий «доверие», «непонимание», «разочарованность». Речь идет не о том, что автор в 40 лет перестал испытывать какие-либо душераздирающие эмоции, напротив, в очередном походе на жизнь он по-своему требователен, но перестает пользоваться суждениями из юношеского лексикона, точнее, насыщает их новыми коннотациями. Все гордое, инициативное, независимое заимствуется из раздела «Словесный мавзолей» Словаря и заменяется понятиями, свидетельствующими о частичной капитуляции перед миром и грустном приятии мысли о собственной пошлости. Гордая умозрительность сменяется непосредственными и отсроченными реакциями на происходящее. Только смутные мысли о праве на жизненное творчество иногда возмущенно заявляют о тщеславном протесте против своей заурядности. В итоге революционные манифесты блекнут и их тени прописываются в мещанской гостиной. Критик Жан Луи Бори писал в «Нувель обсерватер», подметив данную метаморфозу: «Ромен Гари воплощает собой именно такую уютную литературу: творчество — копилка, вдохновение — плотный ужин в семейном кругу, художественная фантазия — удобные тапочки» (Анисимов, 2007, с. 52).

В мире 50-летнего автора доминируют благоразумие и стремление найти отдохновение в подслеповатой безмятежности. Знаки максимализма — «жажда искренности», «катастрофа», «вызов», «творчество» — окончательно покидают мир, стремящийся, насколько это возможно, обрести покой и удовлетворение (Стюарт-Гамилтон, 2010).

Шестидесятилетний автор распрощался с пламенными идеологемами юности. Равно утомительными для него оказываются и тщеславные мысли тридцатилетних о творческой самореализации. Он теряет аппетит ко всему страстному и жестокому, склоняясь к компромиссу. В этом возрасте автора и персонаж редко когда произнесет негодующие слова в адрес жизни, насильственно обуздавшей его некогда неукротимый нрав. Человек свыкается с мыслью, что

даже поражение необходимо стоически принимать как бесспорную истину.

Каждый возраст иногда заглядывает в раздел Словаря «Юношеская любовь» и добавляет к слову «любовь» вынужденный комментарий: «Что бы это ни значило...».

Непосредственная практика и духовный опыт представителей того или иного возраста свидетельствуют, что беспощадная тирания лет не только заставляет проститься с некоторыми понятиями, но и расширить словарь творчества новыми концептами, подвергнув старые усекновению, то есть Процедура Вычитания Концептов позволяет уяснить не только процесс сужения масштаба цитирования из Словаря, но и специфическое расширение практики заимствований.

С возрастом и обретением опыта автора и, соответственно, его литературного героя Универсальный Словарь Бытийных Определений расширяется, включает в себя новую содержательность, соответствующую изменившимся представлениям о сущем. Эскалация сложных сомнений приводит к актуализации категорий, которые в предшествующем возрасте звучали абстрактными величинами и практически ничего не значили. Сорокалетний, к примеру, постигает на собственном опыте, что феномен «ненасытности жизнью», некогда характеризующий требовательность тридцатилетнего к самому себе и окружающим, теперь звучит еретически, как и убежденность юноши, что он на свете Адам, живущий в первый раз. С возрастом усиливается действие законов компромиссного общежития (Поливанова, 2000). Анархические культы капитулируют перед понятиями обязательности и долженствования. Ребячливые «сомнение в очевидном», «аморализм» вытесняются «благопристойностью», «чуткостью», а «трагическая публичность» и «беспощадная строгость оценок» заменяются «муками стыда» и «потаенностью переживания».

Билл Драммонд и Марк Мэннинг категорично заявляют: «Даже спорить не о чем. Блейк — поэзия для мужчин, Вордсворт — для маленьких девочек» (Драммонд, Мэннинг, 2005, с. 168). Почти смешно. Смешно не случайно. Убогий тезис, к сожалению, никем не отмененный — «человечество, смеясь, расстанется со своим прошлым» — порочен по отношению к субъективному переживанию возрастной эволюции. Если он к чему и приложим, то только к некому совокупному человечеству, не желающему знать уныния личностной тоски. Человек же, приближающийся к пределу существования, чужд залихватскому упоению радости прощания с днем сегодняшним и завтрашним. На то он и человек, чтобы со слезами расставаться с тем сильным, неукротимым, мощным, строгим и беспощадным, каким он был или виделся самому себе еще вчера.

Природа восприятия юным человеком переживаний старшего поколения отмечена умозрительностью: все вроде бы ясно, но отчего и для чего все это — непонятно. Это как, предположим, член клуба

миллионеров включает телевизор и смотрит рекламу доступных народу колбас и средств личной гигиены, демократических автомобилей и чистящих средств, приемлемых по цене зубных щеток и туристических поездок и прочих недорогих сомнительных удовольствий, которыми можно обладать за умеренную цену. Для этого человека рекламируемые благости цивилизации нищих обывателей интересны не более, чем для российского пенсионера многочасовая трансляция эмиратского чемпионата по гонкам на верблюдах. Экзотика всегда привлекательна первые пять минут. Дальше начинается кризис понимания. Обремененному деньгами миллионеру заботы обывателя видятся ничтожными, как и пенсионеру — исповедь впервые влюбившегося подростка. И миллионер, и пенсионер теоретически все понимают и даже могут посоветовать что-нибудь дельное. Однако острота ситуации останется для них в виде объекта воспоминаний или теоретического осмысления.

Не менее важно в контексте данных рассуждений указать на специфику эстетико-философского освоения культурой феноменов, отчасти косвенно, но зримо аттестующих возрастное самочувствие человека.

Обратившись к культуре XX века, нетрудно заметить, что соблазн рисовать целостного человека со всеми его многочисленными семейными, философскими, социальными связями упокаивается в истории словесности (Боно, 2005). В силу вступает Процедура Вычитания Концептов. Р. Магритт запрещает себе пользоваться многомерными понятиями, намекающими на погруженность объекта в многообразные контексты мира. Ф. Кафка мистифицирует существование тридцатилетнего героя, Йозефа К., отсекает обилие страстей, характеризующих его ровесника в XIX веке.

Библейские возрастные аллюзии просвечивают в трагическом сюжете движения героя к жертвенному алтарю. Ориентированность культуры XX века на мифологизм и ассоциативное мышление в некоторых экспериментах неминуемо расширяет диапазон возрастных пределов христоводобных образов от Маленького Принца до хемингуэевского Старика.

Основополагающий критерий восприятия: вычитается эмоция, пол, социум (Василюк, 1984). Эксперименты импрессионизма и экзистенциализма ориентированы на особый тип читателя, которому предлагается текст, не подразумевающий чувственной рецепции. Чтобы понять литературу XX века, следует в большинстве случаев вычестить из себя возрастные переживания и стать квалифицированным читателем, то есть тем, кто не вычитывает из художественного мира «самого себя», а кто в словах и буквах отыскивает себя вечного, жившего всегда и созданного на все времена. Из человека вычитается его возраст, половая принадлежность, социальный статус. Этот человек уподобляется голому муравью, чье существование не тождественно случайным социальным одеждам и психологической невысказанности возраста.

В этом акте чтения уже не допустимы оценочные категории. Литературная компетентность заключена в анализе философско-эстетических моделей, а не в поисках тождества читателя и героя (Лотман, 1998). Некогда Татьяна Ларина могла быть образцом для подражания. С Йозефом К. ситуация иная: эксперимент по конструированию всегда вечного человека, обреченного на жертвоприношение, отрицает понятия «нравится» или «не нравится», «похоже» — «не похоже». Актуализируется феномен регулярности и законоподобия — это (обреченность антропности, смерть) обязательно случится, жизнь подобна юридическому процессу и каждый день приближает человека к закономерному пределу. В этой ситуации нелепа суетливая активность юноши, несуразная жажда молодого человека начать жить с нуля, абсурдно восклицание зрелого мужчины «Почему Я?», наивен вопрос старика «За что?».

Ответ для всех останется неизменным: «За то, что ты родился». И восклицательный знак в конце приговора даже не будет поставлен — просто есть очевидные истины, которые не нуждаются в патетическом оформлении. Вечный сюжет жертвоприношения библейского Исаака не признает беллетристических страданий и вычитает их из текста жизни и культуры.

Ситуация изменится в мифологическом романе, который отринет психологизм, идеей нескончаемой повторяемости и пышностью витальных метафор снимет напряжение между лимитированностью индивидуального бытия и вечностью жизни, воплощенной в слове, его повторяемости. Постмодернизм, расставшись с маской беспрецедентной авторской индивидуальности, упрочит в сознании читателя мысль об обязательности смерти и предложит особо не огорчаться от очевидности законов, по которым жило и будет жить человечество. Рекомендация сомнительная, но эффективная, как и все провокационное. Выбор все равно отсутствует.

Казалось бы, есть от чего отчаяться всем — и юноше, и старику, однако в силу вступает закон обывательской некомпетентности в законах литературного моделестроения, движения стилей и процедуры

вычитания. Читателю безразлично, в какой эстетике работает писатель — реалист ли он, модернист или нумизмат. Важнее становится иное — насколько произведение отвечает духовной заброшенности юноши, жизненной жажде тридцатилетнего, бытийной слепоте человека 40 лет и т.д., то есть убывающему с возрастом стремлению к самоосуществлению.

Выводы

Раскрывается во всей очевидности факт игнорирования возрастной психологии героев словесности. Семнадцатилетний читатель, исполненный надежд и мечтаний, создает свой психологический портрет в соответствии с самочувствием кафкианского героя: смутному зову тела предлагается модель идентификации с надвременным томлением духа. Тридцатилетний, читая «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера, заражается философией эскапизма, осуществляя его в непреклонном отрицании общеобязательных принципов своего физического и психологического существования. Слитность сорокалетнего с возрастными проблемами нарушается, когда он погружается в сюжет романтического подростка, исповедующего всепоглощающий культ разочарованности. Несомненно, каждый возраст изменяет предпочтения, не столь радикальные и провокационные, но, тем не менее, ощутимые.

Разумеется, изучение феномена возрастного самоощущения художника, как регулятивного механизма освоения мира, может подразумевать выбор самых разнообразных интерпретаций. При этом трактовка культуры с помощью Универсального Словаря Бытийных Определений и Процедуры Вычитания Концептов позволяет дополнить известные исследовательские методики, выявить специфику моделей и процессов мироосвоения творческим человеком. При некоторой спекулятивности (в философском смысле) или дискуссионности подобный подход может стать одним из инструментов опознания и реконструкции откликов возрастной самоидентификации в художественном мире текстов.

Литература

- Анисимов М. Ромен Гари, хамелеон. М.: Деком, 2007.
Боно Э. Серьезное творческое мышление. М.: Попурри, 2005.
Васильюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984.
Гари Р. Ночь будет спокойной. СПб.: Симпозиум, 2004.
Драммонд Б., Мэннинг М. Дурная мудрость. М.: Астрель, 2005.
Крючкова В.А. Антиискусство. Теория и практика авангардистских движений DJVU. М.: Изобразительное искусство, 1984.
Ломбразо Ч. Гениальность и помешательство. М.: РИПОЛ-классик, 2006.
Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Питер, 1998.
Петрарка Ф. Эстетические фрагменты. М.: Искусство, 1982.
Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.
Сантис П. Философия и гуманитарные науки. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005.
Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. 4-е изд. СПб.: Питер, 2010.
Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Под общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер Пресс, 1999.
Хэндлер Д. Наречия. М.: АСТ, 2007.
Ястребов А. Наблюдая за мужчинами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2012.
Ястребов А.Л. Мужчина от 17 до 71. Режиссура возрастных кризисов. М.: ЛКИ, 2011.

References

- Anisimov, M. (2007). Romain Gary, chameleon. M.: Dekom. (In Russ.).
Bono, E. (2005). Serious creative thinking. M.: Popourri. (In Russ.).
Drummond, B., Manning, M. (2005). Bad Wisdom. M.: Astrel'. (In Russ.).
Frankl, V. (1990). Man in search of meaning: Collection. In L.Ya. Gozman and D.A. Leontiev (Eds.). M.: Progress. (In Russ.).
Gary, R. (2004). The night will be calm. St. Petersburg: Simposium. (In Russ.).
Handler, D. (2007). Adverbs. M.: AST. (In Russ.).
Khjell, L., Ziegler, D. (1999). Personality Theories. SPb.: Piter Press. (In Russ.).
Kryuchkova, V.A. (1984). Anti-art. Theory and practice of the avant-garde movements of the DJVU. M.: Izobrazitel'noye iskusstvo. (In Russ.).
Lombrazo, C. (2006). Genius and insanity. M.: RIPOL-classic. (In Russ.).
Lotman, Yu.M. (1998). About art. SPb.: Piter. (In Russ.).
Petrarch, F. (1982). Aesthetic fragments. M.: Iskusstvo. (In Russ.).
Polivanova, K.N. (2000). Psychology of age crises. M.: Akademiya. (In Russ.).
Santis, P. (2005). Philosophy and Humanities. M.: AST; Transitkniga. (In Russ.).
Stuart-Hamilton, Ya. (2010). Psychology of aging (4th ed.). SPb.: Piter. (In Russ.).
Vasilyuk, F.E. (1984). Psychology of experience. M.: MGU. (In Russ.).
Yastrebov, A. (2012). Watching men. Hidden rules of conduct. M.: RIPOL klassic. (In Russ.).
Yastrebov, A.L. (2011). A man from 17 to 71. directing age-related crises. M.: LKI. (In Russ.).

Поступила: 02.02.2023

Получена после доработки: 10.06.2023

Принята в печать: 20.06.2023

Received: 02.02.2023

Revised: 10.06.2023

Accepted: 20.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Андрей Леонидович Ястребов — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и литературы Российского института театрального искусства — ГИТИС, nabegi09@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8844-6562>

Andrey L. Yastrebov — Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of History, Philosophy and Literature, Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), nabegi09@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8844-6562>